

ОНДРА ЛЫСОГОРСКИЙ

ПЕСНЬ О МАТЕРИ

138

Р29994

БИБЛИОТЕКА „ОГОНЕК“
№ 39
ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“
МОСКВА—1942

ГА
НОСТИ

7

45
ОНДРА ЛЫСОГОРСКИЙ

ПЕСНЬ О МАТЕРИ

Перевод В. ЛЕВИКА

46662
Издательство „Правда“
Москва — 1942

Л 88 + 16 листов + 500 (03)

Отв. редактор Е. ПЕТРОВ

Издательство „Правда“		Изд. № 462
А50928	Заказ типографии 1300	Тираж 50 000 экз.
Формат бумаги 105×148 мм,	Печ. л. 1	Зн. в 1 п. л. 42 200
Цена 20 коп.	Подписано к печати 4/VI 1942 г.	

Типография «Красное знамя», Москва, Суцневская. 21.

ПРЕДИСЛОВИЕ

На Всеславянском митинге, происходившем в Москве в августе 1941 года, громко и решительно прозвучал голос ляшского поэта Ондры Лысогорского.

Лысогорский произнес свою пламенную речь на ляшском языке — славянском языке, дотоле мало у нас известном.

Ляшский язык — это подлинно народный язык. Это речь остравских, карвинских шахтеров, это речь селян, живущих в хатах, разбросанных по склонам Бескид. Это речь рабочих витковских металлургических заводов и фрилакских текстильных фабрик.

Ондра Лысогорский родился в 1905 году в Ляшском крае в семье шахтера. Из поколения в поколение рылись в земле предки Лысогорского, и прадед его был одним из первых углекопов края. Он собирал черный уголь еще на поверхности земли, а дети его и внуки все глубже уходили в земные недра в поисках драгоценного сырья.

Девять детей было в семье Лысогорского. Преодолевая нужду, Ондра Лысогорский учился в гимназии, затем окончил Пражский университет, увлекаясь философией, языками, историей литературы и искусства.

Ондра Лысогорский много путешествовал: жил во Франции, где учился в знаменитой Сорбонне, в Италии, Югославии, Венгрии, Германии, Австрии, Польше.

Огромное, незабываемое впечатление произвело на Лысогорского первое его путешествие в СССР, относящееся к 1934 году. Он побывал в крупнейших центрах России и Украины; и ряд стихов, относящихся к этому времени, написан под влиянием виденного и пережитого в нашей стране, насыщенной пафосом социалистического строительства.

Таким образом, Ондра Лысогорский, сын небольшого ляхского народа, насчитывающего около полутора миллиона человек, по своему воспитанию, по широте своей гуманистической культуры с начала сознательной жизни был чужд какой-либо националистической ограниченности. Он начал писать стихи еще на гимназической скамье. Но строгий, взыскательный художник, Лысогорский выпустил первую книгу — «Поющий кулак» — только в 1934 году, в двадцатидевятилетнем возрасте.

Первая книга поэта имела большое политическое значение. Недаром поэт взял для сво-

его псевдонима имя национального ляхского героя Ондраша, который боролся с немецкими баронами за независимость, а для фамилии выбрал название родимой Лысой Горы — исторического центра борца Ондраша и повстанцев, объединявшихся вокруг него.

Но основное в этом событии было то, что Лысогорский впервые стал писать на ляхском языке, который до него считался лишь диалектом пролетариев угольного района, крестьян и жителей ляхских городов: Опáвы, Тешíна, Гúчина, Моравской Острáвы и др. Чешские ученые Шембера, Бартош, Лориш, польский филолог Быстронь и др., изучая ляхский язык, неизменно называли его диалектом, наречием, а самый народ, говоривший на этом диалекте, не находил в ученых кругах четкого названия.

Ляхский край, давший миру крупных поэтов, композиторов, художников и скульпторов, находится на стыке различных народов и культур. Кто-то образно сравнил этот край, лежащий у истоков Вислы и Одера, с маленькой комнатой, имеющей по окну в каждой из четырех стен. Одно окно выходит в Германию, другое — в Чехию, третье — в Словакию, четвертое — в Польшу. Веками свободолюбивый ляхский народ борется против навязываемой ему немецкими магнатами промышленности и баронами германизации. К этой германизации Ляхского края стремились еще империалисты вильгельмовской поры, при-

влекаемые природными богатствами страны; эту германизацию со всей жестокостью хотят провести гитлеровцы.

В борьбе против порабощения — культурного и политического — ляшский язык является мощным оружием. Он понятен, без особых трудностей, трем братским народам: чехам, словакам и полякам. Понимая это со всей отчетливостью, можно себе представить подлинную общественно-политическую роль Ондры Лысогорского, который создал ляшский поэтический язык и стал группировать вокруг себя пишущую молодежь, призывая ее черпать темы, идеи и образы из глубокого источника фольклора, народной поэзии.

За первой книгой стихов последовала вторая — «Голос земли». Поэт подготовил третью к печати, но захват Гитлером Чехословакии, в состав которой входила большая часть Ляшского края, заставил Лысогорского покинуть родину. С осени 1939 года поэт живет и работает в СССР. За это время он создал ряд новых произведений, в том числе крупную поэму «Песнь о матери».

Основное в поэзии Лысогорского как революционного поэта — умение в новой национальной форме выражать интернациональное содержание. Это интернациональное содержание определяется прежде всего социальной темой. Лысогорский любит своих земляков — шахтеров, селян, городских рабочих. Он любит их любовью такого же трудового человека, пролетария, как и они, и он

знает твердо, что их муки и страдания присущи трудящимся и других капиталистических стран. Поэт живет верой в освобождение всех угнетенных, в грядущий расцвет человеческой личности и человеческого достоинства во всем мире.

В образах стрелочника, жертвенно выполняющего свой долг, работниц, изнывающих от непосильного труда, выражает Лысогорский и свою горячую любовь к трудовому люду и свою надежду на лучшую долю для него. Часто говорит Лысогорский о том, что с востока идет багрянец новой зари, и мощным голосом приветствует он грядущий, новый, свободный день.

Миссия поэта для Лысогорского — миссия народного борца:

„Мое оружие — пламенное слово.
Оно блеснет — и недруги дрожат...
Небесный свод нахмурился грозно —
Народ подымет знамя мятежа“.

«Молчать нельзя, поэт!» — восклицает Лысогорский в одном из своих стихотворений, говоря о событиях наших дней, когда кровавый гитлеризм хочет установить господство над всем миром. И Лысогорский создает стихи великого гнева против германского фашизма, против коричневых зверей — разрушителей вековой европейской культуры и цивилизации. Вершиной этого поэтического гнева является поэма «Песнь о матери», где в призрачной, символической форме раскрывается панорамическая картина поработанной Гитлером, но непокоренной и борющейся

Европы. Поэт создает гигантский образ матери — символ передового человечества, объединенного в борьбе против заклятого и кроважного врага культуры.

Другая линия творчества Лысогорского — нежные, лирические стихи, посвященные Ляшскому краю. Здесь поэт выявляет себя тонким мастером пейзажа. Так и видишь перед собой его родные сады и поля с мальвами, подсолнечниками и багровыми маками, с налитыми колосьями, так и переносишься вместе с Лысогорским в Остравский район, где все безрадостно и тускло, «как запотевшее стекло», вместе с поэтом вдыхаешь ароматы березы, ромашки и мяты на просторах его края.

Примечательны ритмы поэзии Лысогорского. Они ведут свое начало от ляшской народной песни, от баллады, слагавшейся в сердце Бескид или в фабричном поселке города.

И в дни, когда могучий советский народ ведет решительную борьбу с германским фашизмом — лютым врагом славянства, — поэзия славянского мастера стиха Ондры Лысогорского особенно легко дойдет до наших сердец.

Александр Дейч

ПЕСНЬ О МАТЕРИ

I

Когда вернусь на холм надгробный твой,
О чьих могилах вспомню я в печали,
Тебе вручив, как цвет и плод живой,
Те песни, что в скитаньях зазвучали?
Светла как день, ты улыбнешься мне:
Рожден для милой Ляхии тобою,
Весь мир прошел я в буре и огне,
Но Ляхия была моей судьбою.
Акцентом ляхским речь моя звучит,
Моей земли до гроба не забуду.
Везде я вижу небеса Бескид,
Мне дым Остравы чудится повсюду.
Какие бы ни встретил я ветра,
О, Ляхия, клянусь твоим вершинам:
Везде мой светоч — Лысая Гора,
Я был, я есмь, я буду ляхским сыном!

II

Не спит Москва. Подкрался в тучах враг.
Протяжный вой — и вот несутся тени

По этажам, на лестницы, во мрак
Бегут, бегут, покорные сирене.
Кто может знать, вернется ли назад!
Немолчный гул тоскою сердце гложет.
На комнату последний беглый взгляд, —
Кто ведает, в последний раз, быть может.
На чердаки, в подвалы, в погреба!
Полночный мрак ракетами распорот.
Уже растет и близится стрельба,
Потряс удар ощерившийся город.
И смолкло все, как в непонятном сне,
Не слышно гула вражеской армады.
Как призраки теснятся в тишине
Пустых домов безмолвные громады.

III

И буря вновь. Раскат, еще раскат.
Опять гудят над городом моторы.
Прожектор в небе рыщет наугад,
Стремя лучи в безлунные просторы.
Шипенье, свист, от бомб светло как днем,
Настигнут враг, свинец пронзает лопасть,
И самолет, охваченный огнем,
Свергается в грохочущую пропасть.
И будет длиться этот гул и вой,
Пока не вспыхнет небо красным цветом,
Пока не встанет утро над Москвой
И темный мороз не прогонит светом,
Тогда почное хищное яверье,

Что ясным днем боится встречи грозной,
Бежит, спасаясь в логово свое,
От гнева эскадрильи краснозвездной.

IV

Аэростаты снизились. Рассвет.
Метро извергло вновь толпу людскую.
Блуждает взор, стремясь мечте вослед.
Как всякий день, невольно я тоскую.
Я вижу гребни ляхских горных круч.
Туман ползет по снеговым громадам.
Вот рассвело. Вот брызнул первый луч —
И хор пернатых спорит с водопадом.
Дороги вьются. Гучин предо мной.
Я горным ветром сладостно утешен!
Манит Опава свежей белизной,
И башнями чернеет старый Тешин.
Ты, Ратибор, познавший давний плен,
Твой гаснет крик меж слов иноплемённых.
Два Ичина вблизи Гукволдских стен
Блаженствуют среди холмов зеленых.

V

Но в дымном смраде, в угольной пыли,
Сквозь рев машин, сквозь чад войны кровавый
Я слышу стон разграбленной земли,
Надрывный стон измученной Остравы.
Ты вновь раба! Где мера мук твоих?

Я слезы лью, твою судьбу читаю.
Моя земля, кормилица чужих,
Сама лежит голодная, нагая.
Средневековый буйствовал палач,
Вельможные тебя терзали каты,
И горек был ослепшей Праги плач.
Но грянет он, великий день расплаты!
О, стыд и горечь двух последних лет!
Где Ондраш твой? Настало время боя!
Иль ты смирилась, родина? О, нет!
Твой Ондраш спит. Кто призовет героя?

VI

Я разбужу героя — близок срок!
Пусть изгнан я на муку без исхода,
Пусть вышвырнул разбойничий сапог
Живую совесть ляшского народа, —
Но, беженец, я пламень мой пронес,
Пусть вытянул я жребий страстотерпца,
Пусть голод грыз и жег меня мороз, —
Я Ляхию таил в святыне сердца.
Под бурями покинув Ляшский край,
Везде я спал под кровом незнакомым,
Но я повсюду помнил ляшский май,
Мне русский край родным казался домом.
И чайки плач в тумане русских рек
Напоминал мне чаек Остравицы,
И русских тучек мимолетный бег —
Родных остравских тучек вереницы.

VII

О, теплый воздух украинских нив,
Струящий в грудь блаженную истому!
О, хлебных злаков золотой разлив —
Путь шелестящий к веку золотому!
Кивающий подсолнух у плетня,
Под небом ярким праздничные рощи,
И гомон птиц в лазурной дымке дня —
Гимн красоте, и радости, и мощи!
И хаток украинских белизна —
То детства зов, пленительно-знакомый,
То для ребенка, в час отраднй сна,
Постель из чистой золотой соломы.
Как на невесту милую жених,
Оконца нежно смотрят на дорогу,
И веет с крыльев мельниц ветряных
Блаженный сон, смиряющий тревогу.

VIII

Все было так. Но дрогнула земля,
Разверзлась ночь, и без числа, без меры
На золотые, пышные поля
Нахлынул океан багрово-серый.
Идут немецкой матери сыны,
В пучине смрадной черного потопа,
В неукротимом бешенстве войны
Встает огромным кладбищем Европа.
Пред ней, чертя кровавые листы,

Позорищем напуганной планеты,
В такую бездну павший с высоты,
Идет народ Бетховена и Гете.
Лирической поэзии народ,
Народ великой музыки и мысли,
Вторгается в пространства тех широт,
Где бурь ответных молнии нависли.

IX

Что ярость гуннов, что Нимврод и Кир,
Вандалов тьмы, татарских орд лавина,
Чумы индийской смертоносный пир
Пред кровожадной свастикой Берлина!
Германия! Что сделали с тобой!
Ты стала ямой свалочной, притоном!
Насилье, голод, гибель и разбой
Швырнула ты смятнным миллионам.
Чудовище! Кто породил тебя!
Как, разрешась отродием звериным,
Какая мать, страдая и любя,
Проклятый плод назвать посмела «сыном»!
Сын! — средоточье тысячи путей,
Слиянье крови тысяч поколений!
Наследье тысяч пламенных страстей,
Падений, взлетов, чаяний, томлений!

X

Войди в бомбоубежище на миг,
Взгляни в глаза, в которых гаснет разум.

То мать сидит, удерживая крик,
С ребенком на руках, с противогазом.
Сидит всю ночь бледна, полумертва,
Недвижный взгляд глубокой полон муки.
Усталая поникла голова,
И цепенеют сомкнутые руки.
Все та же мать — в Москве сидит она,
В Париже, Львове, в Лондоне, в Каире,
Она везде — все та же и одна,
Одна лишь мать во всем огромном мире.
И этот страх один у матерей,
Страх перед зверем, воющим свирепо
От Африки до северных морей,
От Нарвика до Кипра и Алеппо.

XI

И эта мать вдыхает бойни смрад,
Она глядит, дрожа в смертельном страхе,
Как танки давят, рубят и крошат
Ее детей, валяющихся в прахе.
Как тысячи их косит пулемет
В степной траве, в тени густой дубравы,
Как в пламени свергаются с высот,
Распластываясь грудю кровавой.
Как в поездах несутся под откос,
Как тонут в волнах яростной пучины,
Как жжет их зной и леденит мороз,
Снаряды рвут, подстерегают мины.
И та ручонка, что тянулась к ней,

Была ее надеждой и любовью,
Теперь она свирепей и страшней
Звериной лапы, обгаренной кровью.

XII

И мать глядит — и ширятся глаза,
Они растут, и каждый глаз, как море.
Какая в них рождается гроза!
Какая буря дышит на просторе!
И лоб растет, но то не лоб — о, нет! —
То не бессильной старости морщины,
То высится гигантских гор хребет,
То лег туман в глубокие лощины.
То не лицо, то древний лес возник,
То ресницы, волосы и брови,
То европейский вырос материк,
То мать-Европа в океане крови.
Она растет, кругом растут моря,
Материки встают во мгле туманной.
Так, плоть живую в землю претворя,
Ты, мать, Землею стала первозданной.

XIII

И над тобой сменяются века:
Вот раскаленный Нил и пирамиды,
Песнь Ли Тай-пэ и Желтая река,
И плоть нагая мраморной Киприды.
Вот вечный Рам, — столетий буйный спор!

2.9.99.

Норвался гуны в незыблемые степи,
Вот к небу встал готический собор,
Спешит Виллон по набережной Сены.
Вот гуманизма пламенный восторг,
Угроза схоластическим кумирам;
Расцвет наук, неистовый Нью-Йорк,
И радио, гремящее над миром.
Мятеж России, свергнувшей господ, —
О, как твой путь широк и триумфален!
Свободный мир, любящий народ,
И надо всем сияет имя: Сталин!

XIV.

О, мать-Земля, для матерей земных
Ты символ их, прообраз их гигантский,
И лишь одной нет места среди них,
Одной проклятье — матери германской!
Вовеки страшным проклято судом
То чрево, где зачатые совершилось,
То чрево, что чудовищным плодом
На посрамленье миру разрешилось, —
Чьей волей злобной этот страшный век
Узнал разгул безмерных преступлений,
Увидел, как растоптан человек,
Отравлен мир и опозорен гений,
Как мертвецы, почуяв бойни смрад,
Среди могил в весельи пляшут диеом,
И в страхе полумертвые дрожат,
Скрываясь в норы с приглушенным криком.

XV

Кровавый шут! Он мнил, что он гигант,
Что подчинит он небо, земли, воды,
Что для его преступных, черных банд
Безмолвно спину будут гнуть народы;
Что, белокурой шельме покорясь,
Расистским словоблудьем одурманен,
Свою страну втоптать позволит в грязь
Француз, норвежец, русский, англичанин;
Что балаганный клоун, что бандит,
Что маниак, бежавший из Бедлама,
Он свой «порядок новый» учредит
От северных фьордов до Сиама!
О, кто уймет зловонной лжи поток!
Кто вырвет нож из рук головореза!
Громилу кто засадит под замок,
И закует преступника в железо!

XVI

Ни цепи нет, ни клетки нет ему!
По всей Европе пляска злобных фурий!
Народы — в прахе, города — в дыму.
Невеста-смерть пришла в грозе и в буре.
На маниака не надели пут, —
Ты слышишь хохот, вопли, вой и скрежет?
Германия, стомиллионный шут,
С ним вместе душит, грабит, ломит, режет,
Но молния настигнет палача.

Душителя отпор достойный встретит.
Кто поднял меч, погибнет от меча,
Кто пролил кровь, тот кровью нам ответит.
Когда свирепый зверь неукротим,
Тем горьче месть, возмездье тем суровой!
И кто виновен, — все ответят с ним
За этот стон, за море слез и крови!

XVII

И мать-Земля глядит на царство зла,
И в мутном взоре бледный проблеск чувства:
Не ты ль сама в глухую ночь зажгла
Над миром светоч мысли и искусства!
Твои сыны не с дальних звезд сошли, —
Не твой ли сок в их жилах энойно бродит?
Твой сын, земля, рожденный для земли,
Пройдя свой жребий, в прах земной уходит.
Твой лучший плод, он ищет путь к тебе,
Твоим величьем мощно зачарован, —
И путеводный свет в его судьбе —
Рембрандт, Шекспир, и Данте, и Бетховен.
И твой тайник изведаль Маркс до дна,
Когда искал он ключ ко всем законам.
В тебя посеял Ленин семена
Того, что зреет в мире обновленном.

XVIII

И превратились в новые мосты
Пучины океанов розовые.

И новой жизни пышные цветы
Узрело человечество впервые.
И враг увидел: мир расцвел как сад.
Тогда он выполз, алчный, мутноглазый,
Чтоб в этот мир извергнуть новый ад,
Чтоб заразить нас черною проказой.
И видит мать: пора смирить чуму,
Пора спасти от гибели народы,
Чтоб не был мир безумцем ввергнут в тьму,
Чтоб стали вновь благословеньем роды.
Чтоб он не мог позорить, жечь, топтать,
От крови разбухая с каждым годом.
И миллионы в битву кличет мать,
В смертельный бой с единственным уродом.

XIX

Чудовище, какому равных нет!
Тевтонский пес, покрытый славой черной!
Он кровью пьет восемь долгих лет
Преступный бред империи позорной.
Он, вероломный, в Вену вполз тайком,
Он в Градчаны воткнул свой крест кровавый,
Он наступил на Польшу сапогом,
Глумясь над разоренною Варшавой.
Где Гамлет шел в свой древний Эльсинор,
Там ныне рыщут бешеные орды.
Расколот гордых викингов топор,
И под ярмом норвежские фиорды.
И мирный край каналов и равнин,

Где зрели гиацинты и тюльпаны,
Голландия лежит среди руин,
И кровь струят дымящиеся раны.

XX

Земля багряных маков, снежных гор —
Словакия, сестра моя родная!
Поет пастух и славит твой простор
От серых Татр до синего Дуная.
Пастух с челом, подобным гребням скал,
Седой, как лунь, и царственный, как горы!
В какую пропасть враг тебя загнал,
В какой грязи ты спрятался от своры!
Над родиной твоей снял восход,
Она цвела, лучом весны согрета.
Теперь ты раб! И чей? Каких господ!
Ты чучело, приманка для памфлета!
Стефаник, Штур, Колар — среди Карпат
Ручей, во льдах рожденный, не был чище!
Но, жалкий раб, ты лижешь прусский зад,
Ты крысой робкой рыщешь на кладбище.

XXI

Край песен буйных, плясок и вина,
Каким крестам кадишь ты в эти годы!
О, Венгрия, мятежная страна!
Где Петефи, где все твои рапсоды?
Цыганских скрипок пьяный визг и вой,
Разгул стяжанья, пир постыдной лестии...
Румыния! Печален жребий твой!

Надгробный звон рыдает в Бухаресте!
Твой виноград и хлеб, твои леса,
Дары земли — все отобрали воры.
Как смертный одр, простертый в небеса,
Болгария, твои угрюмы горы!
Болгары, где же ваши кулаки?
Они крепки, но подлый враг коварен.
Как птицы, смертью пойманы в силки
Словак и кровный брат его — болгарин.

XXII

Смерть властвует и над другой страной,
В своих тисках ее сжимая горы.
Там, негодуя, ропщет вал морской,
Там черной тьмой закрыты кругозоры.
Земля лугов и величавых скал,
Твои хребты.— от злобных бурь защита.
Как сладостно у моря я внимал
Торжественным молитвам Велебита!
Там обретал свободу пленный дух,
Там радовалась жизни вся природа.
Дыханьем волн я тешил чуткий слух.
И песнями бессмертного народа.
Там крови много потеряла смерть,
Врага встречала грозная расплата.
Ты светел, как безоблачная твердь,
Край непорочный серба и хорвата!

XXIII

И не был ярой молнией сражен,
Не пал виновник страшной гекатомбы,
Когда дрожал от взрывов Парфенон
И нежных муз раскалывали бомбы!
Рвалась душа, но был безмолвен рот,
Мой мозг пылал, но не было пощады.
Я видел: гибнет греческий народ,
Поруган прах божественной Эллады.
Где Афродиту влажный бог ласкал,
В чертогах древних Зевса-олимпийца
Победоносный царствовал шакал
И Грецию позорил кровопийца.
Там смерть играла бомбами, где мяч
Наперсницам кидала Навзикая.
Парнас и Пинд! Там властвует палач,
Где юношей бродил я расцветая.

XXIV

И Франция, прекрасная страна, —
Лишь две других на свете сердцу ближе!
Повергнутая в грязь, осквернена.
Царит паучья свастика в Париже.
Истерзанный, затравленный народ,
Одну Элладу не затмивший славой,
Европы гордость, молча смерти ждет,
Зажат в зубах у бестии кровавой.
Где высятся бессмертный твой собор,

Где счет ведет столетиям химера,
Как терпишь ты коричневый позор,
О, родина Ронсара и Мольера,
Где каждый камень славою одет,
Где коммунаров братские могилы, —
В том городе, чей гений столько лет
Питаж в скитальце творческие силы!..

XXV

Но как Москва — Востока часовой,
Так Лондон стражем Запада остался.
Он не повик венчанной головой,
Под бурями не дрогнул и не сдался.
Пусть нет целенья для кровавых ран,
Соборов нет, и древних стен, и башен,
Другие перлы породит туман,
И будет вновь шедеврами украшен.
Преображен годами ярых гроз,
Расцветший вновь, то будет Лондон новый.
Он не забудет время горьких слез,
Когда надел он свой венец терновый.
Он не забудет ужасов зимы,
Домов в огне, пылающих соборов,
Сирен и бомб, коричневой чумы
И смертоносной музыки моторов.

XXVI

Ты просчитался, гнусный каннибал:
Народ России спас опять Европу!

СССР стеной громадной встал,
Преградою тевтонскому потоку.
Стена, сначала отступив на шаг,
Срослась в одно с укывшимся за нею.
Она тверда! И остановлен враг!
Придет конец кровавому злодею!
Смерть разомкнет бессильные тиски,
Тогда навстречу Западу с Востока
В союзе мощном двинутся полки,
И мир почтит восторгами пророка,
Пророка братства, дружбы, чистоты,
Чьим солнцем будет вся земля согрета,
И станут жизнью дерзкие мечты,
И смертный путь — дорогой вольной света.

XXVII

Так познает грядущее мой дух,
Изведав силу русскую глубоко.
Так познает грядущее мой дух,
От Запада блуждая до Востока.
Пусть же смерть крылатая близка,
Пусть воют бомбы и режут моторы, —
Сквозь ночь благословенная рука
Ведет нас твердо в светлые просторы.
И мать встает, избыв кровавый бред,
Сияющим обрадована знаком,
Скликая жизнь, гармонию и свет
На битву с бурей, хаосом и мраком.
Россия, тепел вешний ветер твой!

Подкошенное смертною косою
Вновь оживет, испив воды живой,
Омыв свой лик восточною росою.

XXVIII

Славяне, стигнул зверь, губивший нас!
О, радуга над ужасом пожарищ!
О, светлый час, благословенный час!
О, слово лучезарное: товарищ!
Иль мы не дети матери одной?
У всех славян отчизна не одна ли?
И не один ли наш язык родной?
И не одну ли кровь мы отдавали?
А летописи нашей старины,
Сказания, овеянные славой?
Чьей кровью их листы обагрены,
Кто загрязнил поток наш величавый?
Кто наш тиран, кто подлый наш палач?
Чей злобный кнут терзает нас жестоко?
Не надо слез! Уймите жалкий плач:
Уже идет великий брат с Востока.

XXIX

Туда в надежде устремляю взор,
Где высятся над шахтами Бескиды,
Где труд — неволя, рабство и позор,
Где терпит лях безмерные обиды.
Я вижу край, чьи песни, чьи поля

Лежат в крови под сапогом пришельца,
Там для чужих рождает хлеб земля,
Там жидкий суп — отрада земледельца.
Но лях встает — и прогнан лютый враг!
Ты с нами, Ондраш, ты, как птица, волен!
Опять он поднят, витовский кулак,
Он возродился, дух островских штолен!
Он в бормотанье ткацких челноков, —
Целенья нет! Никто не лечит голод!
Сожми кулак, мильоны кулаков!
И ты на смерть обрушишь смертный молот.

XXX

Над скорбной Польшей новая заря,
Конец насильям, ужасам и плену!
Встает поляк и, мщением горя,
Идет казнить немецкую гиену.
Для справедливой мести нет помех!
Народный гнев бушует океаном,
И снова к Жижке устремился чех,
И клич его понятен всем славянам.
И свастику из градчанской стены
Он вырывает в гневе необортом,
И кровопийцы больше не вольны
Его страну клеймом позорить черным.
И рядом с ним воспрянувший словак
Идет, великолепен и неистов,
И гром грохочет над рекою Ваг
Предвестьем близкой гибели фашистов.

XXXI

Сияют солнцем запад и восток,
Мир освежен весеннею росой.
Струит благоухания цветок,
Увядший под коричневой грозью.
Развеян ужас траурных годин,
Уже гудят машин подъемных краны,
Ликуя, воскресают из руин
Народов светлых солнечные страны.
Издок бесславно зверь, терзавший мир.
О, светлый день, о, праздник всей природы!
О, радостный, всемирный братский пир!
Товарищами стали все народы.
Иль мы не дети матери одной
И нам земля — отчизна не одна ли?
И не один ли наш язык родной?
И не одну ли кровь мы отдавали?

XXXII

И по Европе мой блуждает взор.
Пучина вод кровавых отступила,
Оделись нивы в золотой убор,
Как вслед разливу побережья Нила.
И зеленеет молодая новь,
И Франции расцветший зреет колос,
И вечными мелодиям вновь
Бетховена ликует мощный голос.
И Сербия цветет, как вешний луг,

И Фландрия, как прежде, дышит миром,
И Навзикая вновь зовет подруг,
И песня льется над Гвадалквивиром.
И вольно пенит Альбиона флот
Безбурные пространства океанов,
И Ляхия победный гимн поет,
В весеннем блеске радостно воспрянув.

XXXIII

Я был, я есмь, я буду ляшским сыном!
Какие бы ни встретил я ветра,
О, Ляхия, клянусь твоим вершинам,
Везде мой светоч — Лысая Гора!
Акцентом ляшским речь моя звучит,
Родной земли до гроба не забуду,
Везде я вижу небеса Бескид,
Мне дым Остравы чудится повсюду.
И ты, о мать, ты улыбнешься мне:
Рожден для милой Ляхии тобою,
Весь мир прошел я в буре и в огне,
Но Ляхия была моей судьбою.
Тебе вручив, как цвет и плод живой,
Те песни, что в скитаньях зазвучали,
О чьих могилах вспомню я в печали,
Когда вернусь на холм надгробный твой?

ПРИМЕЧАНИЯ

I

Ля х н я — Ляшский край, лежащий между истоками Одера и Вислы.

Бескиды — горы в Ляшском крае.

О с т р а в а — центр угольно-металлургического района Ляшского края (в Чехословакии).

Лы с а я Г о р а — вершина Бескидских гор. Лысая Гора — символ народного восстания против немецких баронов, на протяжении ряда веков стремившихся к порабощению ляшского народа. В XVIII веке возле Лысой Горы действовали повстанцы во главе с Ондрашем.

IV

Г у ч и н, О п а в а, Т е ш и н, И ч и н — города в Ляшском крае.

О н д р а ш — народный ляшский герой XVIII века, вождь крестьянского восстания против немецких баронов.

Р а т и б о р — город на границе Германии с преобладающим славянским населением, с трех сторон окруженный немецкими городами.

VI

О с т р а в и ц а — река в Лянском крае, на берегу которой стоит город Острада.

IX

Н и м в р о д — легендарный основатель царства вавилонского.

К и р — царь Ирана (VI век до нашей эры).

Г у н н ы — монгольские завоеватели, опустошавшие Европу в V веке нашей эры.

В а н д а л ы — многочисленное германское племя, совершавшее жестокие и опустошительные нашествия на племена и народы, обитавшие вокруг Средиземного моря.

XIII

Л и Т а й - ц з — великий китайский поэт VIII века нашей эры.

В и л л о н — знаменитый французский поэт XV века.

XX

Т а т р ы — центральные Карпаты.

С т е ф а н и к — писатель Карпатской Украины (XIX век).

Ш т у р — словацкий писатель XIX века.

К о л а р — чешский писатель XIX века.

XXI

Р а п с о д ы — поэты-певцы.

П е т е ф и — великий венгерский поэт XIX века.

XXIII

Павзикая — дочь мифического царя феаков (древнегреческого племени). Описана в Одиссее Гомера.

XXIV

«Где высится бессмертный твой собор» — речь идет о Соборе парижской богородицы Notre Dame de Paris.

Химеры — мифологические чудовища, скульптурные украшения на Соборе парижской богородицы.

Ронсар — великий французский поэт XVI века.

XXIX

Витковицы — город в Ляшском крае, один из крупнейших металлургических центров Европы.

XXX

Ян Жижва — чешский полководец XIV века, неоднократно громивший полчища немецких завоевателей.

Градчаны — пражский кремль.

п. 53 г.

56

Цена 20 коп.

17

23